

Из книги маршала Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления»

«Я призвал бы также нашу молодежь бережно относиться ко всему, что связано с Великой Отечественной войной. Очень нужно изучать военный опыт, собирать документы, создавать музеи и сооружать монументы, не забывать памятные даты и славные имена. Но особенно важно помнить: среди вас живут бывшие солдаты. Относитесь к ним бережно.

Я много раз видел, как солдаты подымались в атаку. Это нелегко — подняться в рост, когда смертоносным металлом пронизан воздух. Но они подымались! А ведь многие из них едва узнали вкус жизни: девятнадцать-двадцать лет — лучший возраст для человека, все впереди! А для них очень часто впереди был только немецкий блиндаж, извергавший пулеметный огонь.

Конечно, они знали и радость победы в бою, боевую дружбу, взаимную выручку на поле боя, чувство удовлетворения от сознания, что выполняют священную миссию защиты Отечества.

Советский солдат вынес тогда тяжкие испытания. А сегодня старая рана заговорила, здоровье шалит. Бывший фронтовик не станет вам жаловаться — не та закваска характера. Будьте сами предупредительны. Не оскорбляя гордости, относитесь к ним чутко и уважительно. Это очень малая плата за все, что они сделали для вас в тысяча девятьсот сорок первом, сорок втором, сорок третьем, сорок том, сорок гну ом годах...»

Алексей Дударев
Рядовые
Драма в двух действиях

Перевод с белорусского автора

Если каждого советского человека, погибшего в схватке с фашизмом, почтить минутой молчания, придется молчать тридцать восемь лет.

Из газет

Действующие лица

Дугин.

Дервоед.

Буштец.

Соляник.

Одуванчик.

Женщина с ребенком.

Лида.

Вера.

Люська.

Пожилая женщина.

Лейтенант.

Телефонист.

Глухонемой.

Германия. Последние недели Великой Отечественной.

Действие первое

Стена небольшого костела, пробитая почти во всю длину тяжелым снарядом. Громадный черный пролом, обрамленный толстыми, из красного кирпича стенами.

Груды рыжего щебня. Слева и справа сохранились небольшие продолговатые окошечки с витражами, немного лепки — и все. Остальное на земле. По зданию суетятся люди. Рядом, совсем рядом грохочет бой. Взрывы, пулеметные очереди, багровые сполохи в витражах. Наверное, это КП. Хриплый голос телефониста не дозвонится.

— Победа, Победа, я-Заря... Победи, Победа, я — Заря... Ну, куда же ты подевались? Победа, родненькая, я - Заря...

Слышны и другие голоса.

— Куда?! Куда, мать вашу! Что он делает? Дай Горбачевского... Назад! Назад, я сказал! Пропускайте их... Пехоту, пехоту отсекай те!!! — Первый закрепился...

— Перенеси огонь!

— Бей по левому флангу... Там у них танки откуда-то!

— Сурнач! Хватай всех кого можно — дуй налево, к Горбачевскому. Скажи, прикажи, чтоб... Одним словом, дуй! Там разберешься!

— Победа, Победа, я — Заря... Победа, Победа, я...

Из грохота боя выделяется пронзительный визг тяжелого снаряда. Нарастает, приближается...

— Ложись!!

Взрыв! Противоположная стена вздрогнула и почти вся обрушилась на людей. Возник еще один пролом. Солнечные лучи' сквозь пыль ворвались в здание. Это только казалось, что на улице сумерки. А на улице был весенний солнечный день. Все неожиданно умолкло. И вместо пулеметных очередей рассыпал свои трели соловей. Далеко через пролом видны спокойный лес, ровный зеленый луг, свисают ветви невидимого дерева, растущего возле здания. Несколько секунд все недвижимо. Потом в одном месте из-под обломков и битого кирпича поднимается контуженный телефонист, все еще прижимая к уху разбитую телефонную трубку.

Телефонист (смотрит перед собой широко открытыми незрячими глазами и идет на стену). По-бе-да... По-бе-да... Я — Заря... Я — Заря... (Натыкается на стену, поворачивается, идет по битому кирпичу к пролому навстречу солнечному свету.) По-бе-да... Родненькая... По-бе-да... По-бе-да-а-а! (Падает в пролом.)

Поет, заливаясь соловей. Пауза. Издали медленно-медленно идет Д е р в о е д. Усталый. в пыли, без каски. Трудно определить его возраст. Может, под сорок, а может, и тридцать лет. Седой весь, даже брови седые. Измученные глаза все время смотрят под ноги. Прошел через разбитое здание к стене, прислонился к стене, опустился на пол. В проломе возникает молодая белокурая женщина с ребенком на руках. Длинная вышитая красным белая- белая сорочка. Стоит качает ребенка. Беззвучно, замедленно.

Д е р в о е д (Тяжело). Живой я, живой, Марья... Хочешь не хочешь, а живой... Прости ты меня... Извелся весь...

Женщина не отвечает. Качает ребенка.

Пусто в моем сердце, Марья... Выкипело все... Отпусти ты мою душу... Хоть малость на войну спиши... Хоть чуть-чуть...

Женщина не отвечает. Качая ребенка, исчезает. Через пролом входит Буштец. Усталый коренастый парень лет под тридцать. Говорит всегда чуть нервно. Глаза сухие и колючие.

Б у ш т е ц (присел у стены, снял каску, вытер пот). Целый, партизан?

Д е р в о е д. Целый...

Б у ш т е ц. Меня один, сука, прикладом звезданул... Котелок трещит... Гальчанского не видел?

Д е р в о е д. Кровь вытри.

Б у ш т е ц. Дай глотнуть чего-нибудь... (Вытирает лицо.)

Дервоед снимает измятую флягу. Трясет над ухом.

Д е р в о е д. Нету... Вытекла... Осколком, кажись, зацепило...

Б у ш т е ц. Везет тебе...

Д е р в о е д. Ага...

Б у ш т е ц. Кого из наших видел?

Дервоед не отвечает. Молча смотрит перед собой.

(Нервно.) Ну, чего ты смотришь? Чего смотришь?

Д е р в о е д. Тяжко мне...

Б у ш т е ц. Мне легко! Так легко — полечу скоро...

Д е р в о е д. То добре...

В проломе появляются еще два бойца. Худой, с бледным лицом С о л я н и к ведет Одуванчика с перебинтованной головой. Это совсем мальчишка. Голова в белых кудряшках, только в одном месте над левым виском волосы не растут. Плачет. С о л я н и к опустил товарища, снял каску, снял с плеча автомат, перекрестился.

Б у ш т е ц. Что, Одуванчик, получил на баранки ?

О д у в а н ч и к. Боли-ит...

Б у ш т е ц. Иди в санбат... *(Солянику.)* Заведи его, Матвей...

О д у в а н ч и к *(всхлипывая).* Ухо, паскуда, отгрыз... Схватились в траншее... У него тесак, а у меня автомат... Друг друга за руки — и танцуем... Он меня ногой сзади — я его ногой сзади... Худющий, старый, а жилистый. И так я его и эдак... Как клещами за руки схватил! А потом пасть раскрывает, зубы желтые, редкие, и за нос меня — цап! Я лицо в сторону, а он за ухо, барбос поганый! И грызет... Я ору, а он грызет...

Б у ш т е ц. Ты бы ему еще что-нибудь подставил...

О д у в а н ч и к. Ну как я без уха? С одной стороны подсмаленный, а с другой без уха!

Б у ш т е ц. В цирк пойдешь... Людей смешить...

О д у в а н ч и к. Спасибо, Мишка Гальчанский подоспел... Заколот гада, а то он бы меня совсем загрыз...

Б у ш т е ц. А где Гальчанский?

О д у в а н ч и к. Откуда я знаю? Он дальше побежал...

С о л я н и к. Успокоился Мишка... У ворот лежит... Шага три до стены не добежал...

Б у ш т е ц. Может, ранило?

С о л я н и к *(покачал головой).* Я ему глаза закрывал...

Б у ш т е ц *(вздыхнул).* Значит, закурим его табачок... *(Достал из кармана измятую пачку «Казбека». Дервоеду.)* Бери, партизан... Говорил, если что — на поминки вам оставляю. А дойдем до Берлина — перед Гитлером выкурю, а окурочек у него на лбу затушу...

Д е р в о е д *(берет папиросу).* Не затушил...

О д у в а н ч и к. Дай и мне...

Б у ш т е ц. Кашлять будешь...

О д у в а н ч и к *(зло).* Дай мне!

Б у ш т е ц. Чего орешь? У меня уши целы... *(Солянику.)* Матвей, потянешь сатанинского зелья? Бери, бери... Помяни Мишку Гальчанского...

С о л я н и к. Я помяну... *(Папиросу не берет.)*

Сидят. Курят. Молчат.

Б у ш т е ц *(Задумчиво смотрит на дымок).* Вот и все Мишка... Старики твои детки малые в Ленинграде от голода померли в блокаду, жена на фронте погибла,

сам ты пять раз был ранен и два раза контужен — и лег костями на чужой земле перед концом войны... (*Нервно затушил папиросу о собственную ладонь.*) Два года под одной шинелью спали, с одного котелка ели, по очереди наркомовскую пили! Мне бы сейчас выть, волосы на себе рвать, а я курю его папироски и хоть бы... Даже рад, сволочь, что не меня, а его сегодня уложило...

С о л я н и к. Уже и плакать не можешь...

Б у ш т е ц. Чем плакать? Если бы по одной слезе на каждую смерть, на все, что видел, да я бы расплескался от Ржева до Германии...

С о л я н и к. Тяжко тебе будет...

Б у ш т е ц. Иди ты!

О д у в а н ч и к (*подошел к Дервоеду*). Дед, а мне нашивку дадут?

Д е р в о е д. Что?

О д у в а н ч и к. Нашивку, говорю, дадут за ухо или нет? Ну, как у Гальчанского были... Ранение все-таки... Легкое...

Б у ш т е ц. Нашивки за ранение от пули дают, а не от гнилых зубов.

О д у в а н ч и к. Так мне же его не тараканы отгрызли, а фашист! Какая разница — пулей или зубами?

Пауза.

Война вот-вот закончится, а на гимнастерке — одни пуговицы... Хотя бы нашивку какую...

С о л я н и к (*тихо*). Господи, дай мне силы...

Б у ш т е ц. Кому ты молишься, охламон? Это же костел!

С о л я н и к. Бог один...

Б у ш т е ц. Тут, может, Геббельса крестили, а он молится, придурок. Одуванчик, попроси, пускай он тебе нашивку вымолит...

Д е р в о е д. Не тревожь человека... (*Одуванчику.*) А ты за нашивками не гонись... Хватит с тебя нашивок и на сердце... Живым надо остаться...

О д у в а н ч и к. А меня не убьют... Я еще маленький был, когда матери цыганки на меня гадала... По жилкам... У меня тогда на лице жилки такие синенькие были... Говорит, пускай воды боится. От огня, от пули и чахотки на нем заклятие лежит... А воды пускай боится. Огонь меня и не взял... Нас палили... Приходят, руки погрели у печи, спрашивают: «Матка, яйка, млеко, шпек партизант даваль?» К печке лицом поставили. У матери сестричка маленькая на руках. Мать просит: «Паночки, чтобы уж только деткам больно не было... Не стреляйте больно...» А Зоська на ухо шепчет: «А это щекотно, когда стреляют?» Щекотки боялась. Щекотно не было. И больно не было... Они нас обушком по голове каждого... Чтоб не мучились, значит... (*Солянику.*) Слушай, Матвей, а я тогда бога в бреду видел? Это не грех...

С о л я н и к. Это знамение.

Б у ш т е ц. Тьфу!

О д у в а н ч и к. Знамение... Стою, кажется, на снегу... Вокруг ни души... Ни хат, ни деревьев... Как вымерла земля. Один ровный снег. Бог подходит. С бородой, с лысиной, все как положено... Здоров, говорит, Леня... Здоров, говорю, хоть тебя и нету. Даю тебе, Леня, медаль... Снимает солнце с неба и давай мне на голову напяливать... А оно горячее страшно! Аж мозги закипают... Реву, отталкиваю его, а он мне солнце — как кепку на голову...

С о л я н и к. Благодать на тебе, Леонид...

О д у в а н ч и к. Горящая головня на мне была, а не благодать... Очухался, а она вот тут, возле виска догорает... Выжгла все, и волосы не растут...

Д е р в о е д. Ты бы их зачесывал на это место...

О д у в а н ч и к. Так что я ни огня, ни пуль не боюсь... Из огня кто-то вынес... В партизанах в разведке был, на железку не раз ходили, почти год воюю — и хоть бы царапина... Пули только рядом посвистывают... Тив-в-в, тив-в-в... Вот только ухо сегодня пострадало... И то не пулей...

Б у ш т е ц. Моему дядьке цыганка нагадала : погибнешь от водки. Напуга-ала — двадцать лет не пил... Даже пива. И погиб.

С о л я н и к. Начал все-таки?

Б у ш т е ц. Соседка над нами жила. Ее мужик любил это дело. Начала однажды гонять его, нераспечатанную бутылку через окно выкинула, а дядька на лавочке сидел во дворе... Бутылка «Московской особой» по темечку — тюк! И готов. Погиб от водки... (Неожиданно,) А похоронят братской?

Д е р в о е д. Кого?

Б у ш т е ц. Мишку...

Д е р в о е д. Сходи глянь...

Б у ш т е ц. Не пойду! Никого мертвым не видел... Ни матери, ни отца, ни сестер... И его не хочу! Сходи ты, партизан, а? Скажи просто за меня... Ну, чего ты смотришь? Сходишь?

Д е р в о е д. Добре... Что-то из молодых никто не подходит...

Б у ш т е ц. Все в кучу, как овечки, лезли. Только заляжем — со всех сторон ко мне ползут! Куда, мать вашу?! По кучам только и лупят. Все равно ползут. Страшно поодиночке. Меня Мишка в атаках и близко к себе не подпускал. Смерть, говорит,дохнет надо мной и тебе достанется... Чувствовал, наверное...

Через пролом входит старшина Дугин. Командир отделения. Высокий, спокойный, мудрые и немного жесткие глаза. В руках термос, фляга, вещмешок. Подошел к бойцам, бросил все на землю, присел на термос.

Д у г и н. Кто Соляника видел?

Б у ш т е ц. Вон он святых рассматривает... Эй, старовер!

С о л я н и к. Что?

Д у г и н. Тьфу! А я его по траншеям ищу... (Дервоеду.) Партизан, почему без каски был?

Д е р в о е д. Забыл...

Д у г и н. Я тебе забуду! (Одуванчику.) Что у тебя, малый?

О д у в а н ч и к. Ухо...

Д у г и н. Сильно?

О д у в а н ч и к. Болит...

Б у ш т е ц. Гальчанского убило.

Д у г и н. Видел...

Д е р в о е д. Еще кто?

Д у г и н. Все... Больше никто не придет. Яковенку миной, еще в своем окопе, до атаки... Гуров и Воронин — в санбате. Гуров еще, наверное, выкарабкается... У него тут, (показал на грудь) сквозное... Воронин — тяжелый... И в госпиталь не

повезут — полживота вырвало... Так что сегодня нам лафа... По пол-литра на брата наркомовской выйдет... Из третьего взвода подкинули... Там совсем пить некому. Построения сегодня не будет, строить некого... Всей роте — благодарность за высоту, три дня отдыха. Так что будем ужинать, хлопцы... Давай, партизан, стели плащ-палатку... Кто хочет, может НЗ открыть. Хотя тут всего хватит... Буштец?

Буштец. Что?

Дугин. Не «что», а «я»! Иди сюда...

Буштец (подходит). Ну, я...

Дугин. Ты в склепе был?

Буштец. В каком склепе?

Дугин. Ты тут невинную барышню не строй... Покажь свою финягу!

Буштец криво усмехнувшись, достает из-за спины трофейный эсэсовский кортик, подает Дугину. Тот рассматривает.

Буштец. Ну что ты, старшина... Я бы его вытер или в пруду сполоснул... Видел, там среди двора пруд? Лебеди черные плавают... Любят, паскуды, черное... А там что в склепе, если не секрет? *(И неожиданно взвился.)* А если бы он был и в крови?! Что из того?! Я из атаки, а не с бульварчика!

Дугин. Разговорчики! *(Возвращает кортик, спокойно.)* Одним словом, вот что, Серега приказ Верховного ты знаешь... Знаешь или нет?

Буштец. Ну, знаю...

Дугин. Не «ну».

Буштец. Так точно, товарищ старшина! За жестокое обращение с мирным населением или с военнопленными...

Дугин. Вот именно. Знаешь. Молоток. Ты мне близкий человек. Брат. Но озвереть я тебе не дам! Слышишь? Еще что-нибудь... я тебя без трибунала... Сам... Усёк?

Буштец. Усёк...

Дугин. Мы с тобой славяне, Серега... И пришли сюда завоевать симпатию...

Буштец. А я на немке жениться не собираюсь. Симпатий мне не надо.

Дугин. Мне тоже... Детям твоим может понадобится.

Буштец. А чего же они про симпатию...

Дугин *(обрывает)*. Мы с тобой — не они! Я так думаю... Вопросы есть?

Буштец. Тебе сны снятся, Дугин?

Дугин. Я пятый год не высыпаюсь...

Буштец. А я засыпать боюсь! Приказ... Верховный — в Москве, а я — тут... Отец, мать, сестры маленькие — землю парят... Жену в концлагере сожгли... Меня от Люськи со свадебного стола взяли, после первой чарки... Даже «горько» не кричали!! Знаешь, что мне снится?! От самого Ржева! Свадьба моя. Сидим за столом, все в белом... И перед каждым чарка... А в чарке — кровь вместо вина... И все гости смотрят на меня! Я с Люськой должен выпить... Тогда им не придется... Я встаю, беру эту чарку... и просыпаюсь... Холодный пот, а во рту соленый привкус... *(Жестко.)* Вопросы есть?

Дугин. Пошли выпьем... Война скоро кончится... И надо будет жить... Понимаешь, жить...

Буштец. Жить...

Подходят к расстеленной плащ-палатке. Дервоед и Одуванчик уже накрыли, расставляют кружки.

Д е р в о е д. Второй фронт открывать?

Д у г и н. Что?

Д е р в о е д. Тушенку американскую, говорю...

Д у г и н. Давай...

Б у ш т е ц (*Солянику*). Матвей, возьмешь грамульку или греха боишься?

С о л я н и к. Почему же... Это вроде как поминки. На поминках можно... На поминках не грех...

Дервоед разливает водку. Дошел до Одуванчика.

Б у ш т е ц. Куда ему столько?

О д у в а н ч и к. А ты боишься, что не хватит? Не бойсь. Лей, дед...

Б у ш т е ц. Ты же с земли не поднимешься, петушок безухий...

О д у в а н ч и к. Что тебе мое ухо?! (*Отчаянно.*) Выпью! Всю свою долю выпью! Назло.

Б у ш т е ц. Старшина, скажи...

Д у г и н. Пускай пьет...

Д е р в о е д (*разлив водку*). Молчать будем?

Б у ш т е ц. Ты и так язык проглотил... Только смотри... Чего?

Д у г и н. Чего молчать? Давайте, хлопцы... (*Очень-очень просто, обыкновенно.*) Помянем нашего товарища Мишку Гальчанского и молодых Яковенку, Воронина...

С о л я н и к. Воронина нельзя... живой еще...

Д у г и н. Вряд ли... Иди, говорит, старшина, мне скучно делается... И улыбается... Лицо какое-то светлое.

С о л я н и к. Грех...

Б у ш т е ц. Заткнись ты!

Д у г и н (*Буештецу*). Сядь!

Пауза.

Вины нашей перед ними нет... От пуль из нас никто не прятался... Пускай им будет пухом земля чужая, а вам дай бог выжить... Давайте, хлопцы...

Все выпили. Но закусывать не стали. Как-то притихли и помолчали все-таки. А на улице входит в силу чужая весна. И трели соловья летят к самому небу и, кажется, заполняют всю землю. И так эти нежные трели не Сочетаются ни с руинами, ни с утомленными тяжелым боем солдатами, ни с военным временем, что кажется, вот-вот разорвут сердце.

Б у ш т е ц (*не выдержал*). Да замолчит он, гадюка, или нет?!

Схватил автомат и с руки рубанул в ту сторону, откуда долетают трели, длинной очередью.

Д у г и н (*вырывая автомат*). Ты что, сдурел?!

Д е р в о е д (*сам себе*). Прости, Мария...

Д у г и н. Что?

Трели соловья.

Затемнение.

Ночь. Тихая, весенняя. Не смолкает настырный соловей. Перед черным проломом, в белой сорочке, набросив на плечи шинель, сидит Дервоед. Глубоко в проломе — светлая Женщина с ребенком на руках. И как будто она песню поет:

Чья же это поле, Чьи ж это покосы, Чья ж это дивчина Распустила косы...

Д е р в о е д. Черемуха цветет, Мария?.. Картошку бы сейчас сеять... Земля теплая... Дышит... Может, успею... Позже малость... Оно ничего... Дробненькая будет... Не ходи ты за мной... Не отводи от меня беду... Смерти не боюсь... Жить страшно...

Чья ж это дивчина

Распустила косы...

Подходит Дугин. Женщина с ребенком

Д у г и н. С кем это ты?

Д е р в о е д. Так... Один...

Д у г и н. Почему не спишь? (Не дожидаясь ответа.) И я не могу... Звезды сегодня низкие... После первой контузии как будто душу из тела выбило... И тогда они такие были... Крупные, холодные! Аж звенят... Лежу — и как воздушный весь... И меня тянет вверх, тянет, каждая звездочка меня как » трясина засасывает, будто выливаюсь куда-то, к чертовой матери... Под бомбами не страшно, а тут... (Глянул вверх.) Чего? Звезды и звезды... Сейчас небо затянет? Видно, дождь будет... Чего ты молчишь?

Д е р в о е д. А о чем говорить?

Д у г и н. Рассказал бы, как партизанил... Дервоед. Стрелял...

Д у г и н. Дома кто-нибудь есть?

Д е р в о е д. Никого...

Д у г и н. А были?

Д е р в о е д. Все были...

Д у г и н. Они за эту войну никогда не расплатятся с людьми...

Д е р в о е д. Мы платить будем... Гитлеры шалеют — мы платим... Старшина, почему они рождаются? Гитлеры?

Д у г и н. Страшно не то, что они рождаются, — то, что люди им верить начинают... (Пауза.) Выпить хочешь? Мне ротный вина дал... В склепе нашли...

Д е р в о е д. Можно...

Д у г и н. Все равно ни черта спать не буду! Звезды низкие...

Д е р в о е д. Слушай, старшина, попроси ротного — пускай нашего малого куда переведет. Он и так натерпелся... Наскочит, дурень, на пулю... А ему жить надо... Душа еще растет... Зеленый... Может, и забудет... Попроси... У него дети красивые должны быть... Дугин. Ладно... А тебя еще раз замечу в атаке без каски — будет худо... Ясно? Дервоед. Ага...

Крадучись входит Буштец.

Д у г и н. Где шляешься?

Б у ш т е ц (*Испугался*). Тьфу, черт! Думал, на часового напоролся!

Д у г и н. Где был?

Буштец. В городке... Симпатии завоевывал...

Дуггин. Сергей!

Буштец. Нет, нет, старшина, все нормально... Так, походил, посмотрел...
В палисадничках своих копаются...

Дуггин. А чего им бояться?

Буштец. Ну, конечно... Мы добренькие... Вон партизан вчера свой НЗ немке отдал.. Плевать хотелось!

Пауза.

Дуггин. А ты бы плюнул и успокоился...

Буштец. Не могу! Заглянул в один домик... Чистенько все, аккуратненько, стежки желтым песочком посыпаны, свечка горит, на рояле кто-то тренькает... Захожу. Сидит молодая немка. Прическа, руки белые, в халатике... Стал, смотрю... Поворачивается, зубы показывает, гадюка... Шуберт, говорит... Смотрю и молчу... Поднимается, курва, халатик расстегивает! Мол, берите, рус «Иван, получай контрибуцию... Наши девчата сажей лица мазали, одна, я слышал, кислотой свою красоту сожгла, а эта халатик снимает с улыбочкой...

Дуггин. Дальше...

Буштец. Что — дальше? Стоит, паскуда, свежая, гладкая и улыбается...
Плюнул — и ходу... Смотреть не могу на них! Трясет! Вот если мертвый лежит — поцеловать готов!

Дуггин. Иди спать...

Буштец. Закурить дайте...

Дуггин (подает сигареты). На...

Буштец. Нет... Партизан, дай своей махорки... Ну, чего смотришь?

Берет у Дервоеда бумагу и махорку и, скручивая цигарку, уходит в темноту.

Дервоед (неожиданно). А ему лучше погибнуть...

Дуггин. Ты что, обалдел?! Молодой, дурной, горячий... Да и пережил...

Дервоед. А ты не пережил?

Дуггин. Во всех нас война души выстудила... Не скоро согреемся...

Дервоед. Может, и помрем холодными...

Дуггин. Брось!

Дервоед. Женка, старшина, за мной ходит... С дитем... Сожженные...
Второй год ходит.

Дуггин. Рассказал бы... Легче станет...

Дервоед. Легче не станет...

Дуггин. Расскажи.

Дервоед. Чего рассказывать? Хлеб она пекла, моя Марья, значит... Для всего отряда... Мы ей муку привозили, она и пекла... Выдал кто-то... Однажды из разведки шли, пятеро нас было... Удачно сходили, добрую разведку принесли... Бригаду потом спасли..., Ко мне заглянули... Марья только на стол поставила, я с дитем на руках походил, прибегает белая: «Хлопцы, немцы в Максютках!» Из хаты выскочили, к лесу ползти, а они и оттуда прут цепью... Куда? Хоть сквозь, землю

провались! Полоска жита была подле хаты... В него, залегли... Жито высокое, хорошо в том году уродило... Подъехали, лопочут что-то, в хату вошли... Лежим, не дышим... Пятеро нас всего. Двое связных, вообще без оружия... Лежим... Вижу через колосья — муку из сеней выносят! У меня все оборвалось! Откуда у одинокой бабы в такое-то время мука? И кому? Ясное дело кому... А на расправу они легкие... Повернул голову к командиру — тот белый как полотно, шепчет дрожащими губами: «Разведка... разведка...» И на сумку свою показывает. Потом ээсовец Василька выносит... На руках подбрасывает, играет, смеется... И сынок смеется... Малость отлегло от сердца... Пожалуют, думаю... Хоть его! Смеются же...

Пауза.

Д у г и н. А потом?

Д е р в о е д. А потом хату запалили... Я сесть начал... Марью не вывели... И выстрела слышно не было... Не знаю, что с ней сделали... Из хаты не выводили...

Пауза.

Д у г и н. Говори еще, говори...

Д е р в о е д. Василька... (Задохнулся воздухом.) Не могу!! Раз двадцать пробовал рассказывать... не могу...

Д у г и н (жестко). Говори...

Д е р в о е д. Отдышусь... Перед хатой старая антоновка росла... За рубашонку на сучок повесили, сами отошли... горячо стало... Хата горит, Василек на яблоне заходится, я землю зубами грызу... Почувствовал, как по полосам холод пошл... И все. В отряд хлопцы принесли... Яблоки па той антоновке печеными стали... Марья с Васильком за мной ходит... Виноват я...

Д у г и н. В чем ты виноват? Что мог сделать?

Д е р в о е д. Сделать я, конечно, ничего не мог... Мне надо было с ними вместе... А я в жите лежал... Сединой покрывался — и лежал... До сих пор перед своей душой оправдываюсь: выскочил бы — хлопцев засыпал, и разведка важная была... План карательной экспедиции несли... Бригаду спасли... Целую бригаду... Что уж там Марья с Васильком? Правда?

Д у г и н. Тут не по арифметике надо!..

Д е р в о е д. А по чем?

Д у г и н. Не знаю... Может, кто-нибудь когда-нибудь разберется...

Д е р в о е д. К знахарке ходил... Знаешь, что сказала? Кровь надо невинную пролить за Марью и Василька... Тогда их души успокоятся...

Д у г и н. Ведьма какая-то тебе это сказала.

Д е р в о е д. Не надо... Эту ведьму два раза расстреливали... (Пауза.) А я вчера свои консервы отдал... Дите изможденное, золотушное, даже не плачет, стонет только... Какая там кровь?..

Д у г и н. Каску в атаках все же надевай... Дервоед. Не убьют... Меня уже убили... В жите... Свечерела моя душа...

Д у г и н. Идем, партизан! Винца трофейного тяпнем... Помянем твою Марью и сына.

Постояли. Послушали соловья.

Слышь? Поет, гад...

Д е р в о е д . То добре...

Ушли. Поет соловей. Пауза. Потом с другой стороны быстро выходит санинструктор Лида. За ней, держась за щеку, выбежал Буштец.

Б у ш т е ц . Ты что, свихнулась?

Л и д а . Я тебе говорила — не надо! Буштец. Все сначала говорят — «не надо». Зачем по морде лупить?

Л и д а . Я не сначала, я в конце, Сережа... Не трогай меня, пожалуйста...

Б у ш т е ц . Да ладно...

Л и д а (жестко). Сергей!

Б у ш т е ц (тоже жестко). Так бы сразу и сказала! Зачем руками махать?

Л и д а . Больно?

Б у ш т е ц . Больно... (После паузы.) Что, нашла со звездочками на плечах?

Л и д а . Со звездочками... Только в глазах. Буштец. Ух ты! Это весна с немецким соловьем на тебя действует...

Пауза.

Ну а со мной и без звездочек ничего было? Погрелась — ив кусты?

Л и д а . Я не грелась... Я тебя отогреть хотела...

Б у ш т е ц . Слабо что-то грела... Плакала больше...

Л и д а . Хотела, чтобы и ты заплакал...

Б у ш т е ц . Ну, ну... И для многих ты тепленькой была? Только без рук!

Л и д а (неожиданно просто). Прости, Сережа... Холодно мне с тобой и страшно... Буштец. Чего пришла?

Л и д а . Позови Дувенца...

Б у ш т е ц . Кого-о-о?! Одуванчика?

Л и д а . Мне повязку надо сменить...

Б у ш т е ц . Среди ночи?

Л и д а . Позови...

Б у ш т е ц . Ну, Лидэс! Ну, хищница! Ты знаешь, сколько ему?

Л и д а . А сколько мне?! Ты знаешь?! Что, руки не те? А сколько вашей крови на эти руки вылилось, ты знаешь? Грудь не та? А сколько я проползла на этой груди, ты знаешь?

Б у ш т е ц . Все правильно... Зима кончается — надо гнездышко вить... Зачем он тебе? На свои годы не смотри... Ты давно переросла их. По окопам и блиндажам разбросала, за войну...

Л и д а . Соберу...

Б у ш т е ц . Не соберешь, глупенькая... Тебе не Одуванчик, а такой, как я, нужен... Я пойму тебя... У нас с тобой война... Одна на двоих. А он нецелованный, Лидка... Его женщины там... за Победой подрастают... Его все — там.

Л и д а . А где мое?

Б у ш т е ц . Тут... в окопах. И ты в них останешься навсегда! Война нас с тобой никогда не отпустит... Ты это понимаешь?

Слышны раскаты грома.

Тому, возле кого рвались снаряды, — весенняя гроза до самой смерти арналетом казаться будет... Мы с тобой, Лидка, все положили для Победы... И жизни. И души. Ты ребенка хочешь?

Л и д а. Я женщина...

Б у ш т е ц. А я не хочу! Никого после себя не хочу покидать! Какие у меня дети могут родиться? И для чего они будут жить? Лидка. Это последняя война...

Б у ш т е ц. А мне все равно... Нам с тобой ничего не страшно... Я до войны крови боялся, а теперь в рукопашных боях боюсь промахнуться, ударить неточно... Так вот под левую лопатку — раз! Какая она, кровь? Я во сне вижу розовую... Как вино... Одуванчика я сейчас позову...

Л и д а (подошла к нему, неожиданно притулилась). Сережка...

Б у ш т е ц (понял, что это ласка не женщины). Вот этого не надо!

Л и д а. Останови свою душу, Сережа...

Слышны раскаты грома.

Б у ш т е ц. Дождь будет, Лидка?

Л и д а. Будет...

Б у ш т е ц. Останови дождь, Лидка...

Л и д а. Сережа...

Б у ш т е ц. Пусти!!!

Ушел. Лидка присела на щебень. Слушает грозу. Проходит Соляник.

С о л я н и к. Чего ты не спишь, Лидка?

Л и д а. Погадай мне, дядька Матвей...

С о л я н и к. Я не умею...

Л и д а. А если не веришь, молиться можно?

С о л я н и к. Можно. Только... Все равно не поможет... (Тяжело.) Не поможет.

Л и д а. Я буду жить, дядька?

С о л я н и к. Захочешь — будешь... Иди спать.

Уходит. Из глубины Буштец тащит за руку Одуванчика. Тот упирается.

О д у в а н ч и к. Пусти, я тебе сказал!

Б у ш т е ц. Давай, давай... (Подвел его к Лиде.) Вот, тепленький... Аккурат для согрева — с постели поднял...

Хотел еще что-то сказать, но не сказал. Повернулся и быстро ушел. Лидка смотрит на, Одуванчика. Тот — на нее.

О д у в а н ч и к. Ну, чего?

Л и д а. Садись, я тебе повязку сменю... Одуванчик. Ты же днем меняла...

Л и д а. Еще сменю... Но если ты хочешь спать — иди спи...

О д у в а н ч и к. Спать не хочу... Меняй...

Садится. Лида снимает повязку.

Л и д а. Кровь присохла... Не болит?

О д у в а н ч и к. Нет...

Л и д а. Ленька, а почему тебя Одуванчиком зовут?

О д у в а н ч и к. Мишка Гальчанский прозвал... Когда в роту пришел, у меня с этой стороны волосы совсем не росли... Он засмеялся и говорит: «Смотрите — Одуванчик!» Так и зовут... Мишку убило, а меня зовут...

Л и д а. Хочешь шоколада? Ешь, ты же любишь сладкое...

Одуванчик ест. Лида нежно меняет ему повязку.

О д у в а н ч и к. А откуда у тебя шоколад? Лида. Летчики подарили...

О д у в а н ч и к (отдает). Не хочу!

Л и д а. Ну что ты, глупенький?.. У меня только с тобой душа жить начала... Не думай ничего...

О д у в а н ч и к. Я не думаю...

Л и д а. Я ни в чем не виновата, ни перед, тобой, ни перед собой. Но ты все равно прости меня...

О д у в а н ч и к. Не надо, Лида...

Л и д а. Тебе что-нибудь говорили обо мне? Одуванчик. Я не слушал...

Л и д а. Знаешь, отец, уходя на фронт, сказал матери: «Прости меня... если я погибну... Я тебе прощаю, если не дождешься». И ты меня, Ленька, прости...

О д у в а н ч и к. За что?

Л и д а. Не знаю, но прости... Я тебя не дождалась... Четыре года огонь, кровь... смерть рядом... каждый день. Мне спрятаться за кого-нибудь хотелось... А потом бояться перестала... Из вашего отделения парень такой чернявый, на цыгана похож, с ранением в живот... Как его?

О д у в а н ч и к. Воронин...

Л и д а. Как звали?

О д у в а н ч и к. Не помню... Он из пополнения... Молодой...

Л и д а. Молодой... Улыбается, а слезы из глаз... Сестричка, я не плачу, это МНЕ песком в глаза от взрыва... Губы кусает, кричать стесняется... Я от палатки отошла, на колени стала и смерть прошу: забери его, сделай милость, забери... Возвращаюсь — он уже затих, только улыбка осталась... И глаза на солнце смотрят. Это же ужас! Со смертью разговаривать. Ее же проклинать надо!

Пауза.

Когда я с тобой встретилась — со мной что-то случилось, Ленька... Ночью во сне слышу: плачет кто-то... Так тоненько, жалобно всхлипывает... Я сердцем это слышу... Знаешь, кто это? Это мои не рожденные дети плачут... К свету просятся... Боюсь, что после всего этого я и родить не смогу... Жить остаться мало — надо еще выжить... Только бы выжить...

Яркая, голубая зарница полыхнула в небе. И вслед за ней — трескучий удар грома. Одуванчик упал на колени и нервно прижался лицом к Лиде.

Что ты, что ты, глупенький? Это не снаряд... Это гроза...

О д у в а н ч и к . Я снарядов не боюсь... Я грома боюсь... Снаряды рядом рвутся — не страшно, только рот раскрываю, а то ушам больно, а находит гроза — готов под землю залезть... К нам молния залетала перед войной... Такой белый мяч... Окно было открыто, он и приплыл... Мы ужинали, он над столом и повис... Мать чугунок схватила и накрыла ее... Как трахнет! Я потом целый месяц зайкой был... Батяка говорит: «Что-то недоброе будет». Угадал: через месяц война началась... А я грозы боюсь...

Л и д а . Пройдет... У тебя хоть кто-нибудь остался?

Одуванчик. Батяка, может, жив, его на войну забрали... А так — никого... и деревни нет. И соседей. Палили нас...

Лида. Все скоро кончится... И будет тихо-тихо на земле... И я буду твоей сестрой... И матерью... Этому я научилась за войну. Мы поедем куда-нибудь далеко, где пет пожарищ и руин, где много-много тишины..., Где журчит чистая маленькая река, роса на траве... И будем вспоминать только наше детство, наших мам, как нас принимали а пионеры, школу, каникулы... И никогда-никогда не вспомним войну... А когда будет приближаться гроза — я запою и ты не услышишь, как разрывается небо... И успокоишься...

Обнимает его, плачет.

О д у в а н ч и к . Не надо, Лида... Не плачь...

Л и д а . Это не слезы, Ленка... Это душа моя смеется...

О д у в а н ч и к . Подожди, Лида... КТО-ТО смотрит на нас...

Л и д а . Все спят...

О д у в а н ч и к . Смотрит!

С неба на землю обрушился ласковый весенний дождь.

Затемнение.

Те же самые руины. Возможно, это был музей или какой-нибудь дворец. Полумрак. Вспыхивают кровавые зарницы, взрывы. Так похоже все это на грозу, но это не гроза. Это бой. Пронзительно воют мины, грохочут автоматы, свистят пули. В здание врываются бойцы. Д е р в о е д в середине схватился с кем-то, покатился по земле. Подбегает Буштец.

Б у ш т е ц . Голову! Голову убери, партизан!!? Пусти его, суку!

Короткий взмах кортика, хриплый стон.

Целый?! Бери автомат...

Д у г и н . Дед! Возьми левое окно! Малый, прикрывай его!

О д у в а н ч и к . От кого тут прикрывать? (Бросается к пролому.)

Д у г и н . Куда лезешь, мать твою?! Одуванчик. Что тебе моя мать?!

Д у г и н . Бейте длинными очередями, прижимайте их к земле! Сейчас назад ползут! Остальные, по одному за мной!

Дугин, Буштец и Соляник по очереди исчезают в проломе. Дервоед становится у окна. Одуванчик подбегает.

Д е р в о е д . Куда? Смотри сзади!

О д у в а н ч и к . Иди ты к черту! Сзади никого нет!
Д е р в о е д . Не лезь!

Где-то совсем близко прошипела зеленая ракета. Стрельба постепенно затухает.

Кажется, закрепились... *(Положил автомат на подоконник, устало прислонился к стене.)* Иди, Ленька, закурим...

О д у в а н ч и к . Сам кури...

Д е р в о е д . Чего ты?

О д у в а н ч и к . А вы? Чего вы меня за свои спины прячете? Тебя вон к ордену приставили, а у меня и нашивки нет...

Д е р в о е д . Зачем тебе орден, дурень? Одуванчик. На груди носить!

Д е р в о е д . Свой отдам, если дадут...

Б у ш т е ц *(разгоряченный, появляется в проломе).* Где Соляник?

Д е р в о е д . С вами ж побежал.

Б у ш т е ц *(возбужденно).* Ротный приказал дальше не соваться... Сейчас их «катушами» причесывать будем. Эй, Одуванчик! Уши сегодня целые? Ты, партизан, посматривай... Черт их знает, что у них на уме... Ох, веселенький бой был!

Д е р в о е д . Зачем ты его?

Б у ш т е ц . Кого?

Д е р в о е д . Пленного.

Б у ш т е ц . Он же сидел на тебе, - пень! Какой пленный? Враг не сдастся — его уничтожают! Кто сказал?

Д е р в о е д . Я у него автомат выбил...

Б у ш т е ц . О-ё-ёй! Тебе только крылышки прицепить осталось! *(Злобно.)* Наверное, мало... они вас били...

Д е р в о е д . Не тебе говорить, как нас били!

Б у ш т е ц . Жалостник, твою дивизию! Ты еще с Гитлером в Берлине поцелуйся! Ладно! Пойду искать еще одного праведника... Только бы выжил, паскуда... Только бы выжил! *(Исчезает в проломе.)*

Д е р в о е д *(хватает автомат).* С ума сошла, девка! Куда она лезет? Куда? *(Кричит.)* Ползи, дурная! Ложись!

В окне появляется Лида.

(Бросает автомат, хватая девушку, тащит в здание.) Что у тебя в голове, припадочная?!

Л и д а . Невидимки, дед... Невидимки в голове. Где Ленька?

Д е р в о е д . Леня!

О д у в а н ч и к . Ну что?

Л и д а . Ты живой?

О д у в а н ч и к . А ты не видишь?

Л и д а . И я живая... *(Достает из санитарной сумки несколько плиток шоколада.)* Вот, я тебе принесла трофейного. В блиндаже нашла...

Д е р в о е д . Что ты будешь делать!

Л и д а . Ешь, Ленька... А я побегу... Раненые там. Сегодня что-то раненых много... (*Подходит к Дервоеду.*) Дед, это правда, что сердце всегда беду чувствует?

Д е р в о е д . Правда...

Л и д а . Тоска у меня последние дни... Аж тошно... (*Шепотом.*) Дед, родненький, поберегите вы его! Это моя жизнь, мое спасение...

Д е р в о е д . Иди, Лидка... Все будет хорошо...

Л и д а (*подошла к Одуванчику*). Ленька...

О д у в а н ч и к . Что?

Л и д а . Ничего... Я пойду...

О д у в а н ч и к . Иди...

Л и д а . Ты бы хоть спасибо сказал...

О д у в а н ч и к . Спасибо...

Л и д а (*Провела рукой по его волосам*). Как у тебя повязка?

О д у в а н ч и к . Ничего. Хорошо.

Лида резко повернулась и побежала в пролом.

Дед, шоколад будешь?

Д е р в о е д . Тебе мать снится, Ленька?

О д у в а н ч и к . Снится, а что?

Д е р в о е д . Подумаешь плохо о женщине — проклянешь свою мать...

О д у в а н ч и к . Ничего я не думаю!

Дервоед. Это хорошо...

О д у в а н ч и к . А ты к чему это?

Д е р в о е д . Так...

В проломе появляется Соляник.

С о л я н и к . Как вы тут?

Д е р в о е д . Ждем...

С о л я н и к . Слава богу, у нас все целы... На левом фланге досталось... Там у них дот был. (*Дервоеду*). Петрок, почему они не покоряются? Конец же... Все равно конец.

Д е р в о е д . Почему дьявол богу не покоряется? Потому что дьявол...

Появляется Буштец. Подходит к Солянику.

Б у ш т е ц . Покажи автомат...

С о л я н и к . Зачем?

Б у ш т е ц . Покажи автомат, сволочь!

Д е р в о е д . Ты чего?

Б у ш т е ц . Не лезь, партизан!

С о л я н и к (*подает автомат*). На...

Буштец берет автомат, достает из него диск. И вдруг с размаха бьет

Соляника по лицу.

Б у ш т е ц. Паскуда!

Д е р в о е д. Ты что делаешь?!

Б у ш т е ц. На, глянь: все патроны целенькие, смазка свежая! Ни разу, сука, за атаку не выстрелил... Мы за него должны! Он чистенький, на бережку постоит, а мы должны в крови купаться!?

С о л я н и к. А тебе это нравится...

Буштец. Из-за тебя, гадюка, лег Мишка Гальчанский, Яковенко, Воронин и все остальные... *(Потрясая диском.)* Эти пули, может быть, смерть отвели бы от них...

С о л я н и к. С ними я всегда рядом был... Ни за них, ни за тебя никогда не прятался... Не моя вина, что...

Б у ш т е ц. Не твоя? *(Ловко вбивает диск в автомат.)* А ну, становись к стене!

О д у в а н ч и к. Ты что, в штрафбат захотел?

Б у ш т е ц. Яс сорок первого в штрафбате! Становись!

С о л я н и к. Не делай этого, Буштец... Прошу тебя... Не бери и этого на свою душу... Хватит с тебя...

Б у ш т е ц. Не заботься о наших душах. Иди к стене!

С о л я н и к. Как хочешь... *(Идет.)*

О д у в а н ч и к *(В отчаянии).* Дед!!!

С о л я н и к. Только я отвернуся... Ладно?

Б у ш т е ц. Ну, нет! Мишке Гальчанскому в лицо стреляли...

С о л я н и к. Как хочешь...

Буштец поднимает автомат.

Д е р в о е д *(тяжело).* Положь!

Б у ш т е ц. Что?

Д е р в о е д. Положь автомат на землю...

Б у ш т е ц. Жалко? Тебе жалко?! А ты вспомни, как твоих палили... что делали с твоей Марьей?! Как твое дите на сучке с яблоками пеклось! Он в них не хочет стрелять! Чего смотришь!

Д е р в о е д. Положь автомат на землю...

О д у в а н ч и к. Сергей, брось! Ну его к черту, не надо... Успокойся... Я тебе сегодня свою порцию наркомовской отдам...

Д е р в о е д *(Солянику).* Отойти от стены..» Не корчи из себя... *(Буштецу.)* А ты брось автомат...

Соляник отходит от стены. Буштец стоит неподвижно. Появляется Дугин.

Д у г и н. Ты что, оглох? Брось автомат!

Буштец швырнул под ноги автомат и, тяжело дыша, присел на щебеню.

Атака еще не кончилась, мальчики... Что такое?

Все молчат.

(Зло.) Я спрашиваю, что такое, дед?!

Д е р в о е д . Ничего. Поговорили...

Д у г и н (поднимает автомат). Чей?

С о л я н и к . Мой... (Тихо.) Я не стрелял...

Д у г и н . Не слышу...

С о л я н и к (кричит). Я не стрелял! Верующий я! И раньше не стрелял...

Д у г и н . Вот теперь слышу. А это трибунал, Матвей...

С о л я н и к . Я знаю...

Д у г и н . Только сейчас узнал?

С о л я н и к . Не надо, старшина... Я грешный, слабый человек...

Д у г и н . Значит, оружие в руки все-таки взять взял... И думал, как-нибудь тихим сапом до конца войны протопать... И перед богом чист, и люди довольны... И вашим и нашим... Не получилось...

С о л я н и к . Не хотел, старшина, чтобы такой, как ты, в меня стрелял... в трибунале. Я от них пулю искал. И сердце бы свое перед тобой поставил, чтобы от нее заслонить... Дугин. Мало!!! Мы-то с ними свои сердца и души перед Россией поставили, а ты только передо мной? Дед, дай махорки... (Подходит к Дервоеду, начинает крутить сигарку.) Что же нам, бедным, делать? А, партизан? Человек под трибунал пойдет, а нам, грешным, с Гитлером рассчитываться до конца надо... (Закурил, подошел к Солянику.) Как думаешь: божье проклятие на нашем Дервоеде лежит?

С о л я н и к . Я вам не судья...

Д у г и н . Я не говорил, чтоб ты нас судил. Я только спросил: как ты думаешь?

С о л я н и к . Бог раз и навсегда сказал: не убий... Никого! Никогда! Ни за что! А человек сразу выход нашел. А если кто против бога? Значит, можно! А если не теми пальцами крестится? Можно! А если еретик? На костер его! Кто убивает «во славу Божию», — такой же преступник, как и тот, который убивает за кошелек! Бог сказал: не укради! А если ворованное? Можно! Святое дело! Не пожелай жены ближнего своего! А у меня любовь! Можно! Что нам святое ни скажи — мы все перекрутим, перевертим и подгоним под себя... Не жизнь, не обстоятельства заставляют нас грешить, а похоть души нашей...

Д у г и н . Аминь?

С о л я н и к . Не надо...'

Д у г и н . Кто у тебя дома остался, Матвей?

С о л я н и к . Мать, жена, дети...

Д у г и н . Все живы?

С о л я н и к . Слава богу...

Д у г и н (Договаривает за него). ...который нашими руками, кровью, грехом нашим не пустил зверя в твой дом... Легко быть святым, Матвей... Если ты один, в пустыне! У меня, может, и хватило бы силы сдохнуть с голоду, а чужого не взять... А если рядом малое дитя с голоду умирает? Тогда что? Смотреть и думать про «не укради»?

С о л я н и к . Попроси!

Д у г и н . А если не дают?!

С о л я н и к . Тогда укради...

Д у г и н . Ага...

С о л я н и к . Но никогда не считай, что поступил хорошо...

Д у г и н . Убедил, согласен... Еще: если придут в мой дом и у меня на глазах убьют моего отца, распнут мать, надругаются над сестрой... Что мне делать? Попросить?! Одуванчик, что твоя мать у них просила? «Папочки, не стреляйте деток больно...», И что?!

Буштек как во сне начинает подниматься, сжимая автомат.

(Не поворачиваясь к нему.) Тебе было сказано: положи автомат на землю!

Буштек сел.

Так что же мне, грешному, бог посоветует, Матвей?

Соляник молчит.

Правильно. Убей, но не думай, что это хорошо... Так я, Матвей, и без бога знаю, что это плохо... Ты — во второй атаке, а я убиваю с сорок первого! И с сорок первого знаю: не в каждом из немцев сидит Гитлер. Большинство — несчастные, простые люди... Но я буду стрелять! И бить точно! До конца! Потому что воюю против дьявола! Правда, он в Берлине, но здесь, в окопах, — его ангелы... Как там у вас: отрекаешься ли от дьявола и ангелов его? Отрекаюсь!

С о л я н и к . Им тоже говорят, что с ними бог, а мы — слуги дьявола...

Д у г и н . Ма-а-аленькая разница есть. Я не пролил ни капли невинной крови...

С о л я н и к . Прикажут — прольешь... Дугин. Нет!!! (Дервоеду.) Встречу, партизан, детей тех, кто палил твою Марью, — я их не затрону! Руки себе до локтя отрублю, но не затрону! Не убий... Оно у него было... (показал на Дервоеда.) Когда жену и малое дитя на смерть отдал, чтобы других не убили... Ты думаешь, ему кара господняя страшна? Да он уже побывал в аду. Здесь, на земле...

Дервоед. Не надо так, старшина... Дугин. Надо. (Солянику.) Дай спичку. Потухла... (Опять прикуривает.) Все-молчат.

Пауза.

Все! Поговорили, и хватит... Сейчас артподготовка... Пойдем дальше... Раньше сядем — раньше выйдем... *(Очень просто.)* Бери автомат, Матвей...

Соляник стоит неподвижно.

Бери...

Соляник молчит. Пауза. Дугин достает из автомата диск.

Хлопцы, у кого патронов мало?

Д е р в о е д . У меня...

Д у г и н . На, дед... *(Отдает диск Дервоеду, а пустой автомат — Солянику.)* Ротный с замполитом — в соседнем здании... Сдай оружие и обо всем

доложи... Мне некогда. Сейчас атака... Малый, заведи его...

Б у ш т е ц (*хрипло*). Я заведу...

Д у г и н. А, наверное, и не надо... Ты же сам, Матвей, дойдешь! Правда?

С о л я н и к. Дойду... Не носи на меня злость

Д у г и н. Будь здоров.

Соляник пошел в пролом.

(*Подходит к Буштецу.*) Встать!

Б у ш т е ц (*подхватывается*). Что?

Д у г и н. Ты кто такой?! Верховный главнокомандующий? Прокурор? Судья, чтобы человека к стенке ставить?

Б у ш т е ц. Я — фронтовик! Я имею право... Дугин. Тогда в комендантский взвод шуруй! А в моем отделении никому перед носом оружием махать не будешь! Усек?

Свист снаряда.

Ложись!

Все падают на пол. Вспышка на весь пролом. Взрыв. Пыль. Тишина. Бойцы поднимают головы.

О д у в а н ч и к. Ничего себе долбануло... (*Поднимается, подходит к Дугину.*) Старшина, ну на кой черт нужно было его из обоза брать?! Топтался себе возле лошадей, ну и...

Д у г и н (*зло*). Людей не было! Высоту брать надо! И вообще... Молчи!

О д у в а н ч и к. Я молчу...

В проломе, без каски, серый от пыли, согнувшись, появляется Соляник.

Д у г и н. У кого есть пакет? Дайте пакет!

Д е р в о е д. Сейчас!

С о л я н и к. Не надо, хлопцы... Ничего не надо... Простите меня... Простите...

Д у г и н (*Одуванчику*). Сбегай за Лидкой... Она на КП...

Одуванчик убегает.

С о л я н и к (*Буштецу*). Прости, Сергей... Ты прав... Только ты остановись... если можешь... Остановись... Подойди, Петрок...

Д е р в о е д (*подходит*). Что, Матвей? Что?

С о л я н и к. Отпусти мне грехи мои...

Д е р в о е д. Что ты? Не верю я... Не верю.

С о л я н и к. В бога можно не верить — надо жить по нему...

Д е р в о е д. Не бойся, Матвей, не бойся...

Соляник. Я не боюсь... На всех нас на земле одна душа... Те, кто мучает, убивает, — пройдут по следам мучеников, жертв своих. Пекло тут... на земле... И очищение человека... Господи! Что же ты с нами делаешь! Что же ты делаешь?..

Д у г и н (*подходит*). Успокойся, Матвей...

Прибегают Одуванчик и Лида.

Л и д а . Сейчас, сейчас, дядька Матвей... (Копается в сумке.) Что это ты?

С о л я н и к . Не надо, доченька... Посиди так... Помолчи...

С коротким шипением над зданием проносятся снаряды гвардейских минометов.

Д у г и н . Началось! Готовимся, хлопцы... Ждите красной! Артналет будет короткий... Одуванчик, помоги тут...

О д у в а н ч и к . Что помогать?

Д у г и н . Делай что сказано!

Дугин, Дервояд, Буштыц подбежали к окнам, ждут.

Л и д а . Ну что мне сделать, дядька Матвей? Что мне сделать для тебя?

С о л я н и к . Спой...

Л и д а . Что?

С о л я н и к . Что хочешь... Спой, Лидка... Женская песня — молитва... Про косы знаешь? Это... ой, чье же это поле... (Затихает.)

Л и д а . Не знаю...

С о л я н и к . Все равно спой...

Л и д а . Не знаю!!

*В проломе появляется Женщина с ребенком. И полилась чистая, тихая песня:
Чье же это поле, Чьи ж это покосы, Чья ж это дивчина распустила косы...
Кровавым заревом вспыхнула ракета.*

Д у г и н . Пошли, мужики! Лопатки в руки — покажем этим сукам кузькину мать! Ура-а-а!!!

Все выскакивают через окна, и грозное, страшное «ура!» покатило над землей, переросло в крик-стон — «а-а-а...». Выстрелы, взрывы, топот тысяч ног по истерзанной земле.

Чье же это поле, Чьи ж это...

Песня оборвалась.

Затемнение.

Действие второе

Руины речного вокзала. Бой гремит где-то далеко. Мокрый до последней нитки, сидит на камнях Одуванчик. Ест размокший шоколад и горько плачет. У стены сушится Дервоед.

О д у в а н ч и к. Дед, почему она утонула? Я плавать не умею — и выплыл... Почему я выплыл? Я же воды боюсь... В плот как даст — у нее только коленки мелькнули... А я выплыл... Ой, сволочи! Ой, гады... Ну, чего ты молчишь?

Д е р в о е д. А ты поплачь... Оно ничего... Поплачь... Тебе надо плакать...

О д у в а н ч и к. Она красивая была? А, дед? Липли же все к ней...

Д е р в о е д. Красивая...

О д у в а н ч и к. А я подсмоленный и прокусанный... Чего она так ко мне? Я ей про цыганку рассказал... Посмеялась, а потом рукой вот так сделала... Я, говорит, и от воды на тебе заклятие сделаю.

Д е р в о е д. Баба что хочешь может... Если душой любит... Это — сила...

О д у в а н ч и к. А может, она все свои силы отдала? Чтоб я жил?

Д е р в о е д. Может...

О д у в а н ч и к. Родить хотела... Я, говорит, Ленька, от тебя сколько смогу — столько рожу... Сколько на руках у меня померло. Сколько сама убила... Столько и рожу... Тогда душа успокоится... А чего у нее душа беспокойная была? Фрицев же убивала...

Д е р в о е д. Баба детей должна нянчить, а не...

О д у в а н ч и к. Сейчас мне воды можно не[^] бояться?

Д е р в о е д. Можно...

О д у в а н ч и к. Хочешь шоколаду?

Д е р в о е д. Давай...

Без гимнастерки, с котелком в руке, подходит Дугин.

Д у г и н. Идите к кухне... Кашу уже дают...

Д е р в о е д. То добре...

Д у г и н. Там и обсушитесь... Чего тебя трясет, малый? Простудился?

О д у в а н ч и к. Простудился...

Д е р в о е д. Пошли, Ленька... Что - бы там ни было, а каша солдатская — первое дело...

Д у г и н. Дед, хочешь грамульку для согрева души?..

Д е р в о е д. Не хочу...

Одуванчик. Дай/мне! (Берет у Дугина флягу, делает несколько отчаянных глотков, кашляет, закусывает шоколадом.) Пошли, дед...

Уходят. Дугин садится на землю и, зажав между коленями котелок, ест солдатскую кашу. Подходит Лейтенант. Новенькая гимнастерка, новенькая фуражка, новенькие сапожки. Одним словом, с иголки. Даже лицо кажется с иголки.

Л е й т е н а н т. Здесь первый взвод, боец?

Д у г и н. Тут...

Л е й т е н а н т . Я из штаба дивизии... Где командира найти?

Д у г и н . Я командир...

Л е й т е н а н т (подсел). Слушай, у тебя тут служит такой Дугин... Как он?

Д у г и н . Воюет...

Л е й т е н а н т . Ты ничего за ним не замечал?

Д у г и н . Ладно, лейтенант, не будем в кошки-мышки играть... Я Дугин. Что я должен был за собой заметить?

Л е й т е н а н т (смущенно). Та-ак... Тогда пару вопросов к вам, старшина...

Д у г и н . Давай... Только я кашу доем... Голодный как собака...

Л е й т е н а н т . Ешь, ешь...

Д у г и н . Ты, если хочешь, тоже к кухне подойди... У нас хорошая каша сегодня...

Л е й т е н а н т . Нет, спасибо, я уже завтракал.

Д у г и н . Ну, смотри...

Ест кашу. Лейтенант наблюдает за ним.

Л е й т е н а н т . С какого года воюете?

Д у г и н . С сорок первого...

Л е й т е н а н т . В каком звании начали?

Д у г и н . Старший политрук...

Л е й т е н а н т . Однако вы выросли... Такой молодой — и уже старшина... Как это так лихо от старшего политрука — до старшины?

Д у г и н . Ты знаешь, что в сорок первом творилось?

Л е й т е н а н т . Отступали... временно...

Д у г и н . Да не отступали мы...

Л е й т е н а н т . Не все, конечно...

Д у г и н . Ага... Кто под гусеницы их танков попал, конечно, не убежал... Против лома нет приема... Два месяца был в окружении, вышел с оружием, проверка — рядовым в строй... Под Москвой взвод дали, потом — роту, потом — опять в рядовые...

Л е й т е н а н т . За что?

Д у г и н . Высоту не взял. Потом ее два батальона брали, а я должен был ротой взять... Наполовину выбитой... Под Сталинградом звание вернули, под Курском разжаловали... Подонка одного из своего взвода застрелил... В одном селе женщину мордовал... Одним словом, самосуд получился... У тебя закурить есть? Мое все вымокло на переправе...

Лейтенант достает пачку папирос.

(Берет одну.) Казбек... Довоенным пахнет.

Л е й т е н а н т . Дальше...

Д у г и н . Дальше все нормально... Искупил кровью, дали отделение, сейчас

заменяю взводного...

Лейтенант. Биография... Куда ни кинь — отовсюду обиженный...

Дугин. Война, лейтенант... Обижаться после Победы будем. И вот что: хватит темнить! Что надо — спрашивай! Ты не строй из себя Шерлока Холмса...

Лейтенант. Спокойно, спокойно, старшина... Я пока еще выше по званию...

Дугин. Давно из училища?

Лейтенант. Недавно.

Дугин. Видно. Спрашивай...

Лейтенант. У вас есть жена?

Дугин. Есть...

Лейтенант. Пишет?

Пауза.

Дугин. Нет... Ну, хватит...

Лейтенант (*Достает из сумки конверт*). Скажите, старшина, как могло получиться, что в то время, как ваша дивизия стояла на формировании, а вы вообще были в госпитале, ваша жена, Вера Ивановна Дугина, получила письмо, в котором сообщается, что... цитирую: «Дугин Владимир Павлович пал смертью храбрых в боях за Родину и похоронен в братской могиле возле села Зельва. А есть такое село?»

Дугин. Есть. И братская могила есть.

Лейтенант. Советую говорить правду...

Дугин. Я всегда правду говорю... Письмо отправлено по моей просьбе... Кто отправлял — не скажу! А вообще так: бланк украл и написал сам... Зачем? Любовь у меня, лейтенант, понимаешь? Встретил в госпитале одну сестричку, ну и закрутилось у нас с ней... Решил: детей нет, она молодая... Не пропадет, найдет еще себе... Ну, и чтоб сразу все обрезать...

Лейтенант. Стоп, стоп, старшина... Вдохновенная ложь — это талант. Вы в этом — круглый ноль... Глаза выдают. Суется... Нету никакой сестрички... Да и не было... А может, все проще? Обрезать все концы и к ним махнуть?

Дугин. К кому это «к ним»?

Лейтенант. Через ничью землю...

Дугин (*после паузы*). Лейтенант, я курю твою папиросу... Благодарю бога... А так бы ты проехался в своей новенькой гимнастерке по земле...

Лейтенант. Хорошо, больше я ничего спрашивать не буду. Но ответь: как ты, фронтовик, мог... (*потрясая письмом*) прикрываться от чего бы там ни было теми, кто от Москвы до Германии в братских могилах лежат? Прикрываться их светлой памятью... Как ты смог? (*Пауза.*) Сволочь ты, старшина! Это я не от себя говорю... Ты прав, я только из училища, пороху не нюхал... Не мне тебя судить... Это я тебе от своего отца! Он под Минском лежит. Кстати, в братской тоже...

Появляется Вера. Красивая женщина в форме военврача второго ранга.

Это я тебе от твоей жены...

В е р а. От меня не надо, лейтенант...

Л е й т е н а н т. Простите... (Собрался уходить.)

В е р а. Дай письмо...

Лейтенант отдает.

Подожди меня в машине, пожалуйста... Я сейчас приду...

Л е й т е н а н т. Хорошо... (*Уходит.*)

В е р а. Здравствуй, Володька...

Д у г и н. Здравствуй, Вера...

В е р а. Ты не бойся, Володька... Об этом (*показала письмо*) никто ничего не знает... Лейтенант — мой друг... Никому не скажет... Не волнуйся...

Д у г и н. Я не волнуюсь...

В е р а. Ты даже можешь забрать его себе... Бери, бери...

Дугин берет письмо.

И чтобы тебя не мучила совесть, скажу: я по тебе не плакала... Как видишь, не поседела... Женщины, Володька, беду предчувствуют... Как звери — землетрясение... Особенно те, кто любит... А я тебя люблю... Прочла это и подумала: чушь какая-то, ерунда! И легла спать... И пока не уснула, шептала все: «Приснись мне, Володька, приснись». Так и уснула. И ты мне приснился... Среди белой черемухи... Помнишь, мы после свадьбы к маме ездили? Было много черемухи...

Пауза.

Д у г и н. Помню...

В е р а. Ты стоишь среди этой черемухи и голенького мальчика на руках держишь... Спрашиваю у тебя: «Ты живой?» Ты грустно-грустно головой кивнул. Живой, мол... А я почему-то спрашиваю: «Где ты погиб?» Ты под куст черемухи показываешь... А под кустом стол стоит. Бумага какая-то. Ты это на столе писал?

Д у г и н. На тумбочке.

В е р а. Я запрос на следующий день сделала... Но дивизию вашу уже расформировали... Концов не найдешь... Ты и это учел... Но я нашла тебя...

Д у г и н (тяжело). Иди, Вера... Прости и иди...

В е р а. Тебе не надо просить прощения. Тот, кто полюбит, и тот, кто разлюбит, — одинаково не виноваты... Я только хотела посмотреть тебе в глаза, Володька... И все.

Д у г и н. Смотри...

В е р а. Кто она?

Д у г и н. Женщина...

В е р а. Как зовут?

Д у г и н. Лидка.

В е р а. Неправда... Если бы она была, ты бы сказал Лида...

Д у г и н. Она... просто молоденькая... Иди, Вера... Прошу тебя.'

В е р а (*испуганно глядя в глаза*). Господи, Володька... Ты же любишь меня...

Д у г и н. Любил... (Отдает письмо.) Забери..» В нем все правильно...

Вера. Может, тебе что-нибудь обо мне написали?.. Пять лет разлуки... Потом фронт, госпитали... Раненые, искалеченные, покинутые... Всякое было... Но душа моя чистая.

Пауза.

Клянусь тебе! Ты слышишь?

Д у г и н. Забери письмо!!

В е р а (*почти истерично*). Объясни-и!!!

В проломе появляется Женщина с ребенком

Д у г и н. В сорок первом мы выходили из окружения... Измотанные, голодные. Тот, кто не мог идти дальше или был ранен, — уходил в лес. Уходил прикрывать, чтобы остальные могли дойти. Полковой комиссар подозвал меня и говорит: «Слушай, политрук: если со мной что-нибудь — поведешь отряд! Не останавливаться! Что бы ни случилось — не останавливаться! Повтори». Я повторил... Из окружения вышло сорок шесть человек. Остальные — в лесу навсегда остались... Считай, что и я в таком же лесу остался... Это все, что я могу тебе сказать... Ты ни в чем не виновата передо мной, а я — перед тобой... война... Окончится, проклятая, — выходи замуж...

В е р а. Что ты говоришь?!

Д у г и н (*упрямо*). Выходи замуж — и как можно больше нарожай детей... Сколько сможешь! Нас повыбивало, к чертовой матери, а народ должен быть сильным. Может, еще какую-нибудь беду ему придется взять на свои плечи... Иди, Вера...

В е р а (*сквозь слезы*). Не понимаю...

Д у г и н. Успокойся и поймешь...

Б у ш т е ц (*вбегает*). Старшина, танки!!

Д у г и н. Где?

Б у ш т е ц. Из-за косогора по берегу прут?

Д у г и н. Может, наши?

Б у ш т е ц. Какое там! «Фердинанды»!

Д у г и н. Откуда они взялись?

Б у ш т е ц. Черт их знает!

Д у г и н. Иди, Вера, иди... (Буштецу.) Пехоты не видно?

Б у ш т е ц. Кажется, нет...

В е р а. Володька, милый... Прости меня! Прости! Я всю жизнь перед тобой готова на коленях стоять!!!

Д у г и н. Лейтенант, забери ее!

Вбегает Лейтенант.

Дуй скорее отсюда! Сейчас жарко будет! Заскочишь на КП полка! Скажи, чтобы огнем поддержали...

Л е й т е н а н т. А что такое?

Д у г и н. Танки откуда-то прорвались!

В е р а. Володя!

Д у г и н (бросается к пролому). Взвод! У кого есть гранаты — связки, связки готовьте! Остальные, — в здание... Жми, лейтенант!

Л е й т е н а н т. Есть!

В е р а (кричит). Я люблю тебя, Володька! Я люблю тебя!

Лязг гусениц танков. Затемнение.

И опять руины, какого-то здания. Старая мебель, у стены на столике — патефон. Валяется расколотый бюст Гитлера. Тихо. Грохота войны не слышно. В здании разместилось на отдых наше отделение. Буштец курит, Дервоед зашивает что-то на гимнастерке. Одуванчик слоняется по комнатам.

Д е р в о е д. А старшину, наверно, от нас заберут... В штаб вызвали...

Б у ш т е ц. Какой он старшина?

Д е р в о е д. Старшина... Он старшина и есть...

Б у ш т е ц. Война кончается... Что делать?

Д е р в о е д. Жить...

Б у ш т е ц. Жить... (Подошел к кускам бюста, постучал сапогом.) Это верно говорят, что он артистом был?

Д е р в о е д. Кто?

Б у ш т е ц. Фюрер...

Д е р в о е д. Говорят...

Б у ш т е ц. Устроил спектакль... Слушай, а его же и родил кто-то.

Д е р в о е д. Конечно же, не в капусте нашли...

Б у ш т е ц. И что чувствовала эта баба, когда рожала?

Д е р в о е д. Радость...

Б у ш т е ц. И грудью кормила?

Д е р в о е д. Кормила, наверно... А то как же?

Б у ш т е ц. И вот не захлебнулся же от материнского молока, паскуда... И родимчик его не схватил... Ой, встретить бы эту ведьму, если живая еще... Ну, чего смотришь?

Д е р в о е д. Не кричи.

В этот момент из другой комнаты выходит Одуванчик. На нем огромного размера генеральский мундир, фуражка с высоким верхом. Из-под козырька торчит только нос. В руках кукла-голыш. Тихонько подошел к патефону, поставил пластинку.

Звучит песня. Простенький немецкий шлягер.

О д у в а н ч и к (дурашливо). Их бин гойтэ хайль дранг остэн!

Б у ш т е ц (оглянулся, спокойно). Вот дитё... (И вдруг взвился.) Сними!! Сейчас же сними это, щенок!! Я кому сказал?!

О д у в а н ч и к (испуганно сбрасывает фуражку и мундир). Чего ты?! Чего трясешься, псих бешеный?!

Буштек резко выходит. Возле патефона легко стукнул прикладом по пластинке. Песня захлебнулась.

(Вслед.) Иди в санбат! Тебе лечиться надо... *(Пауза.)* Дед, а я его боюсь. Когда заводится — у него глаза мутными становятся... *(Пауза.)* А тут генерал жил... Видишь, кукла... *(Вздыхнул.)* Если бы Зоська не сгорела — трофеей бы ей привез... *(Запихивает куклу в свой вещмешок.)* Дед, а ты куда после войны?

Д е р в о е д. Не знаю...

О д у в а н ч и к. И я не знаю... Дед, а поедем куда-нибудь вместе, а? Мы с Лидкой в Сибирь договаривались... Лесов там! Зверья! Стрелять научились — на охоту ходить будем... Рыбу ловить... А?

Д е р в о е д. Домой надо... В Максютки... Я и могилки своим не сделал еще...

О д у в а н ч и к. Домой не хочу. Хочу туда, где обожженных печей нет. Где тихо.

Входит Дугин. Он в той же застиранной гимнастерке, но с новенькими капитанскими погонами. На груди — «Звезда» Героя. Дервоед и Одуванчик обалдело поднимаются.

Д у г и н. Вольно, вольно... Сам рядовой, отдыхайте...

О д у в а н ч и к *(обалдело).* Ёш твою клёш! За что тебя так?

Д у г и н *(серьезно).* За войну...

О д у в а н ч и к. Дай померить, а?

Д е р в о е д. Это не примеряют, Ленька... Ну, поздравляю, значит... То добре... Честное слово, рад...

Д у г и н. Спасибо, дед...

О д у в а н ч и к. Да расскажи хоть!

Д у г и н. Вызывали к комдиву... Прихожу. По всему штабу — шорох. Начштаба набросился: в чем ты пришел?! Гимнастерка, видите ли, застиранная... Захожу. А у комдива маршал сидит.

О д у в а н ч и к. Иди ты!

Дугин. Что же ты, спрашивает, старшина, от награды своей бегаешь? Война гоняет, вот и бегаю... Ну, расскажи, как воевал... Я ему про Москву давай рассказывать... Не то, говорит... Я про Сталинград. Не то! Я про эту речку проклятущую, где нас «Фердинанды» накрыли. Опять не то! Ну, тогда, говорю, не по адресу, ищите другого... А про Курск почему не рассказываешь, спрашивает, как там танки палил? Под Курском меня разжаловали, что тут рассказывать? Ничего, говорит, теперь капитаном будешь... Оказывается, звание сразу вернули... Но — госпиталь, реформирование, потерялось...

О д у в а н ч и к. Это же надо! Ты столько в рядовых ходил!

Д у г и н. А мы все — в рядовых... От маршала до тебя...

Д е р в о е д. Это хорошо...

Д у г и н. Ну, а потом «Звезду» достает... У меня в глазах потемнело... Я думал, орден будет... Это тебе, капитан, и за Москву, и за Сталинград, и за Курск, и за всю войну... *(Задумчиво и грустно.)* За всю войну...

О д у в а н ч и к . Елки зеленые! Герой... Слушай, старшина, тебя же сейчас уважать надо...

Д у г и н . Уважай-уважай... А заодно собирайся, поедешь в штаб дивизии.

О д у в а н ч и к . Зачем?

Д е р в о е д . Как — зачем? Может, и тебе что-нибудь перепадет...

О д у в а н ч и к . Нет, правда, зачем?

Д у г и н . Им там телефонист понадобился...

О д у в а н ч и к . Не поеду!

Д у г и н (*жестко*). Поедешь!! Это я сказал, малый... Усек?

О д у в а н ч и к (плаксиво). Ну за что, старшина? Что я тебе сделал? Я же пропаду без вас...

Д у г и н (*притулил его к себе*). Эх ты, Одуванчик... Дурень ты, дурень... К начальству ближе будешь... На глазах! Быстрее медаль дадут или лычки какие...

О д у в а н ч и к . Не хочу я...

Д у г и н . Если что-нибудь, обижать будут — скажи, что в отделении Дугина воевал... Целый год...

Дервоед собрал вещи Одуванчика, подает.

О д у в а н ч и к . Дед, ну, скажи ты... Сколько там той войны осталось? Целый я буду...

Д е р в о е д . Поезжай, Ленька... Ничего, поезжай...

Д у г и н . Давай-давай... Машина ждет... (Достает из кармана несколько плиток шоколада.) На, на дорогу...

О д у в а н ч и к . Не хочу. Мог бы и чарку выставить за Героя...

Д у г и н . Бери что дают... Ну и прощай, гвардеец! (*Обнимает.*)

Одуванчик. Ну, тогда прощайте... Если что какое где-нибудь малость не того — лихом не поминайте... Я вас люблю... (*И чтоб до конца не расплакаться, выбежал.*)

Д у г и н . Проводи его, дед...

Д е р в о е д . Ага...

Д у г и н (*кричит в пролом*). Лисенков, подожди! И вот еще... Там, у колонки, две наши женщины... Ну, русские, из лагеря... Приведи, покорми их... Одна, кажется, беременная...

Д е р в о е д . Как?

Д у г и н (*почти зло*). Ну как баба может быть беременной?!

Д е р в о е д . Это ясно.

Д у г и н . У тебя пожрать есть что?

Д е р в о е д . Да найду... Есть маленько. Консервы там, тушенка... А малый вправду говорит: магарыч с тебя, старшина... Выставишь уже по бабушке...

Д у г и н (достал из сумки бутылку). На пьяница... «Московская»! Комдив поздравил.

Д е р в о е д . О, то добре... Вечером загляни. На троих раздавим... Трое нас

теперь осталось... Сергей, ты и я...

Д у г и н. Завтра пополнение пришлют...

Д е р в о е д. То добре...

Гудок машины.

Д у г и н. Да погоди ты! Слушай, дед, что-то мне грустно смотреть на тебя...
Аж сердце заходится...

Д е р в о е д. Чего?

Д у г и н. Марья все еще ходит за тобой?

Д е р в о е д. Ходит...

Дугин. Давай я и тебя переведу куда-нибудь...

Дервоед только махнул рукой и вышел.

(Один.) Ну, что же... Будем еще раз принимать роту... *(Идет в пролом.)*

Слышен звук отъезжающей машины.

Г о л о с О д у в а н ч и к а. Прощайте, хлопцы! Я вас люблю-ю-ю!!!

Через некоторое время в здание входят Пожилая женщина и Люська. За ними — Дервоед.

П о ж и л а я ж е н щ и н а. А деревня наша, солдатик, чистая, веселая...
Антонёво называется... Может, слышал?

Д е р в о е д. Нет..., Я сейчас, садитесь... *(Достает из вещмешка хлеб, режет его, открывает консервы. Люське.)* Я тебе, молока дам... У меня где-то сгущенка.

Ж е н щ и н а. Веселая деревня... Над Неманом стоит... Весной, в паводок, вода аж до самого порога подбивается... А на том берегу широ-о-ока, до самой пуши...

Д е р в о е д. Ешьте... Только жадничать не надо... Это все я вам в дорогу отдам... И еще чего-нибудь соберу...

П о ж и л а я ж е н щ и н а (ест). Вкусно... Колбасой пахнет... Мы с моим стариком добрые колбасы делаем... До самого лета висят, отрежешь — как свежие...

Д е р в о е д (Люське). Ну, все... Погоди пока... Да не хватай ты так, я тебе сказал...

У тебя же никто на рук не вырывает... Тебя как зовут?

Л ю с ь к а. Люська...

Д е р в о е д. Давай поговорим... Ты откуда?

Л ю с ь к а. Криничанск... Городом такой небольшой...

Д е р в о е д. Слышал, слышал. Из лагеря теперь?

Л ю с ь к а. Были в лагере... Полгода назад бауэр один забрал... За свиньями смотрели. *(Всхлинула.)* Беременная я, дядька...

Д е р в о е д. Ну, что ж... Дело такое... людей—поубивало. многое Родить надо... Дело этакое...

Люська. И рожу!]

Дервоед. А то как же?.. На сгущенки... Сладкая... Оно надо...

Пожилая женщина. Приезжал бы ты, солдатик, к нам в Антонёво. Дочка у меня выросла, невеста тебе будет... А деревня у нас чистая, веселая...

Дервоед. Что ты такое говоришь?

Люська. Помолчи, дядька, пускай говорит...

Пожилая женщина. О-о, Гэльку ты мою не видел! Бывало, из бани придем, она такая распаренная, чистая, свежим молоком пахнет... Как умоется — всегда свежим молоком пахнет... А волосы! В Антонове ее Водяницей звали... Русалка, значит... Я ее на камень ставлю... у нас камень у порога лежит... Потому что волосы у нее ниже пят... И, как лен, мягкие-мягкие... Ставлю — и гребешком их, гребешком... А она аж, светится... Солнце вечернее в волосах... Аж светится... Приезжай, солдатик...

Дервоед. Ты ешь, ешь...

Люська. Нету у нее никого. Ни Антонёва, ни хаты, ни дочки... В двадцатый блок забрали... Блок такой в лагере был... Они там операции учились делать... И болезни лечить... Высоких девчат выбирали... Меня в тот блок забраковали: ноги тонкие, и груди почти совсем нет... А им надо, чтобы все было... Гэльку взяли... Правда, красивая была... Так вот теперь ходит и кого ни встретит — за свою дочку сватает...

Дервоед (*Женщине*). Тебя как зовут?

Пожилая женщина. Наста... Наста из Антонёва... А дочку мою — Галька... Приезжай, солдатик...

Дервоед. Я приеду. Ты только больше никому не рассказывай про Гэльку. А я приеду... Гитлера покончим — и приеду...

Пожилая женщина. А деревня у нас чистая, веселая... У каждой хаты по кринице...

Дервоед. Это хорошо... Ешьте... (*Люське*.) Ты хлебом, хлебом макай в сгущенку... Теперь можно, коли живот не заболел... (*Достает еще продукты*.) А это вам на дорогу... Ничего, девки! Нас не скрутишь... И это перетерпим-переживем... Нас бьют, а мы жито сеем... (*Люське*.) А у тебя кто-нибудь остался?

Люська. Расстреляли всех... Мы партизанам медикаменты в лес переправляли... Как они узнали?

В этот момент в здание входит Буштец. Веселый, улыбающийся. Наверное, встретился с Дугиным. Вошел — и вдруг как-будто наткнулся на невидимую стену.

Появился, прижался спиной к стене.

Дервоед. Значит, совсем никого?

Люська. Никого. Мужа в армию со свадьбы забрали... Убили, наверно. Дядька, как они бьют... Как они бьют..

Дервоед. Уже все... Забывать надо... Быстрее забудешь — легче жить будет... А жить надо... Надо жить...

Люська (приложила ладонь к животу). Он мой... Больше сказать нечего...

Он начал жить без любви, под страхом и бессильными слезами, но без греха! Без греха.

П о ж и л а я ж е н щ и н а. А деревня у нас чистая, веселая... (Ест.)

Буштец остолбенело стоит у стены

Л ю с ь к а. Можно проклинать бога, войну, Гитлера, весь свет, а его и меня — за что же? Нам и так досталось... Что я только не делала! И в холодной воде сидела, чтобы простудиться, и с лестницы падала, и... Что толь со не делала..! Он однажды среди ночи под сердцем меня погладил... Изнутри по животу... Как попросился не надо, не виноват и, пусти меня жить!.. И тогда я как-то успокоилась... Я со своим не нацеловалась вдоволь... Не успели, со свадьбы забрали... И это будет его дитя... Душа меня не осудит. Ни его, ни моя... Люди — пускай... Душа не осудит...

Буштец недвижим у стены.

Д е р в о е д. Оно ничего... Он твой... Ты его никому не отдавай...

Л ю с ь к а. Не отдам...

Д е р в о е д. Заслони его от всего шального света...

Л ю с ь к а. Заслоню...

Д е р в о е д. Научи теплу и любви...

Л ю с ь к а. Научу...

Пауза.

Спасибо тебе, дядька... Приезжай к нам в Криничанск...

Д е р в о е д. Оно можно...

П о ж и л а я ж е н щ и н а. Криниц у нас много... И Неман весной разливается широко-о-око...

Л ю с ь к а. Пойдем, тетка Наста... (Дервоеду.) Нас на сборном пункте ждут...

Д е р в о е д. На сгущенки еще... Ешь помалу... Оно надо...

Л ю с ь к а. Спасибо, дядька... Пускай тебя пуля обминет... Идем, тетка...

Низко кланяется Дервоеду. Женщина тоже. Выходят. Буштец неподвижно стоит у стены и тупо смотрит перед собой. Дервоед собирает остатки еды в вещмешок, замечает Буштеца.

Д е р в о е д. Сергей, кто это у нас в роте из Криничанска был? Гуров или Воронин?

Б у ш т е ц (*Хрипит*). Я...

Дервоеда как будто ударило. Медленно-медленно поднимается. Подходит к товарищу. Пауза.

Д е р в о е д (*Упавшим голосом*). Оно все так... но догнать надо... Не наша с тобой это война, Сергей... Не мы ее вынесли, а они... Бабы наши... На них она легла... В их слезах и в их крови Гитлер проклятым захлебнулся... В их душах — правда вечная... И любовь. Если бы мне Марью вернуть... Если бы только можно

вернуть...

В проломе появляется Женщина с ребенком.

Я бы перед ней до могилы на коленях ходил... Не мы им, а они нам простить должны... За ужас, который пережили... За страх и слезы невинные, за смерть и муки, которые мы не смогли на себя взять... За то, что мы убиваем, а они рожают... Оно догнать надо... Дите - оно дитё... Нашей воды из криниц попьет нашим солнцем погреемся, наших песен наслушается... Оно и нашим, будет... Наши бабы хорошо поют... Оно догнать надо... Успокоить...

Буштец не шевельнулся.

(Кричит.) Догони!!

Буштец сделал движение и как подкошенный рухнул на пол.

Б у ш т е ц. Не... могу... (Тоже кричит.) Не могу!!!

Женщина с ребенком исчезает.

Затемнение.

И опять руины какого-то здания. Ночь. Ящик из-под снарядов, на нем керосинка, хлеб солдатский, три кружки. Вокруг ящика сидят Дугин, Дервоед, Буштец. Тихо так сидят. Думают. И на всей земле тишина. Как вымерло все. Дервоед тихо-тихо поет:

Чье же это поле,
Чьи ж это покосы,
Чья ж это дивчина
Распустила косы...

Д у г и н. Допьем?

Д е р в о е д. Можно...

Д у г и н. Давайте, хлопцы... За победу... Уже можно... Сегодня или завтра капитуляцию подпишут... (*Зло стукнул кулаком по колену.*) Безоговорочную! Будьте живы... (Пьет.)

Дервоед тоже выпивает. Буштец сидит неподвижно.

Чего ты, Сергей?

Б у ш т е ц. А?

Д у г и н. Пей, говорю...

Б у ш т е ц (берет кружку). Тихо... Как в могиле;... Тоска... (Выпил. Стукнул кружкой по ящику. Раз! Второй! Третий! Все сильнее, сильнее, сильнее.)

Д у г и н. Брось психовать!

Б у ш т е ц (бросил кружку Дугину). Ты в армии останешься ?

Д у г и н. Не-а... Здоровья нету...

Б у ш т е ц. Зря... Со «Звездой» далеко пошел бы... Куда деваться? Стрелять — умею... (*Достал из-за спины кортик.*) Бить под левую лопатку — умею! (Ловко вогнал кортик в ящик.) Гранату с двадцати метров в ведро забросить смогу... Всю жизнь войну вспоминать. Только вспоминать...

Д е р в о е д. Все пройдет... Лишь бы жить...

Б у ш т е ц. Ничего не пройдет... (Передразнивает.) «Лишь бы жить»...

Капитан, хочешь кортик подарю? Под Ленинградом взял... Он на меня замахнулся, а я думаю: «Ого, какой красивый!» Да за руку! Да саперной лопаткой по шее! Хочешь подарю?

Д у г и н. Давай... (*Берет кортик.*)

Д е р в о е д. Малый письмо прислал...

Б у ш т е ц. Что пишет?

Д е р в о е д. Медаль дали... Ну и привет всем...

Б у ш т е ц. Когда же следующую ждать?

Д е р в о е д. Что?

Б у ш т е ц. Войну... Когда новый Гитлер родится? И почему так? Почему им верят? Чем больше сумасшедший — тем ему больше верят!

Д у г и н. Хотел, сволочь, чтобы все жили так, как ему хочется... Как он это видит... А не хочешь — надо заставить! Страхом, огнем, пулей, концлагерем... И народ за ним пошел... Люди одинаково рождаются и одинаково умирают... Когда же они перестанут учить друг друга, как надо жить?

Б у ш т е ц. Никогда...

Д е р в о е д. Перестанут... Когда-нибудь прижмет и поймут, что чужим хлебом всегда подавишься... Силой возьмешь — рассчитаешься... Не ты — так дети твои, не дети — так внуки... Гитлер вот рассчитался. Сдох!

Б у ш т е ц. Господи, как тихо! Водка еще есть?

Д у г и н. Нет. Хватит.

Д е р в о е д. Сеять надо...

Б у ш т е ц. Что?

Д е р в о е д. Ничего...

Буштец неожиданно засмеялся.

Д у г и н. Чего ты?

Б у ш т е ц. Видишь, сколько сожженного? Сколько руин?

Д у г и н. Ну и что?

Б у ш т е ц. А если и в наших душах тоже... А?

Д е р в о е д. Отстроим. Не привыкать. Лишь бы чуток тихого времени дали... Доброму человеку ничего не надо... Только тихое время... Без войны. Он и хлебом накормит всех, и детей воспитает, и песню добрую сложит, и землю цветами украсит... Дайте ему это время! Не трогайте вы его! Не додумались еще люди, что на земле на всех нас — одна душа... Что начинать воевать — против себя же воевать, что начинать убивать — себя же убивать... Одна ведь душа...

Б у ш т е ц. Это и у тебя, и у Гитлера, и у твоей Марьи?

Д е р в о е д. При чем тут Гитлер?

Б у ш т е ц. Тогда не ной тут! Развел демагогию... Как кто, а я никому ничего не забуду! Никогда! В меня огнем и кровью все вошло... Одна душа... Их всех надо под корень! Как заразную болячку — каленым железом!

Д у г и н. Ладно, хватит! А то договоритесь...

Пауза.

Д е р в о е д. Спать пойдем, что ли?

Д у г и н. Я не буду... Звезды низкие.

Д е р в о е д. Спрашивали тебя, старшина... Забыл сказать. Когда у командира был...

Д у г и н. Кто?

Д е р в о е д. Военврач из армейского госпиталя. Завтра заедет, говорила...

Б у ш т е ц. Найди еще грамульку, капитан...

Д у г и н. Завтра рано вставать... С союзниками встречаемся... Быть во всем параде... *(Глянул вверх.)* Да хоть бы тучи натянуло, что ли!

Б у ш т е ц. Чего ты?

Д у г и н. Да не могу... Звезды тянут... Трясет даже...

Д е р в о е д. Закурим...

Молчат. Курят. Думают. На земле тишина. Зуммер полевого телефона.

Кажись, звонят, старшина...

Дугин поднимает трубку.

Дугин. Что, Лисенков? Чего не спишь?.. А-а-а... Ну, давай... Слушаю, Иван Данилович, слушаю... Нет, не спал... Да все тут тихо, что они выдумали?! Вот пусть завтра приходят и ищут кого им надо! Ладно, мы можем отойти, пускай бомбят, если уж так боятся... Какая ценность? Ивам Данилович, а мы не ценность? Война кончается... Ладно, еще раз проверим... Слазим и в подвалы... Пускай приезжают... Хорошо... Первый взвод возьму... все как с иголки... Все нормально. Спокойной ночи... *(Положил трубку.)* Комполка звонил! Американцев кто-то напугал... Говорят, что до того, как мы подошли, тут снайпер сидел и постреливал... Самолеты хотят прислать бомбить...

Б у ш т е ц. Ну и пускай бомбят!

Д у г и н. Нельзя... Архитектурная ценность... Двенадцатый век...

Б у ш т е ц. О-о-ой!

Д у г и н. Смешно, честное слово! Как какой-нибудь вывих на земле — все на нас! Всем должны мозги вправлять! Чингисхану! Рыцарям! Наполеону! Туркам! Кайзеру! Гитлеру! Как проклятие какое на народ! Неделю тут стояли, а нам его сейчас ищи!

Б у ш т е ц. Позвони завтра и скажи, что все облазили и никого не нашли...

Д у г и н. Нет... Давайте для очистки совести глянем... Роту поднимать не буду... Сами посмотрим... Черт их знает... Может, притаился где... Дед, на фонарик, слазь в подвалы, посвети там... Только чуть что — не лезь сдуру, сразу назад...

Д е р в о е д. Это понятно... *(Пошел к пролomu потом быстро вернулся.)*

Д у г и н. Что, дед?

Д е р в о е д. Это... Спросить хотел...

Д у г и н. О чем?

Д е р в о е д. Что-то хотел, из головы выскочило... Черт!

Д у г и н . Заскочит назад — спросишь... Иди.

Светя фонариком, Дервоед полез в подвал.

(Смотрит вверх.) Что это... Церковь, что ли?

Б у ш т е ц . А черт ее знает! Может, ратуша...

Д у г и н . Слазь наверх...

Б у ш т е ц . Так завалено все.

Д у г и н . На улице дерево... Может, по нему взберешься?

Б у ш т е ц . Ага...

Д у г и н . Только смотри! Свою голову я тебе не одолжу...

Б у ш т е ц (*Осматривая автомат, радостно*). Все будет абгемахт, капитан... (*Пошел к пролomu, остановился, улыбнулся*.) Ишь, герой!

Д у г и н (*Тоже улыбнулся*). Иди, дурень... А я посты проверю на всякий пожарный...

Буштец уходит. Дугин смотрит вверх.

Ну и светят... (*Задумчиво*.) Светят...

Уходит. Какое-то время здание пусто. Потом в одной стене со скрипом открывается тайный ход и в черном пространстве появляется маленькая фигура.

Это подросток. Мальчик. Худой, грязный, безумные, затравленные глаза. В руках снайперская винтовка. Не отрываясь смотрит не то на керосинку, не то на краюху черного хлеба, лежащую на снарядном ящике. Мычит что-то. Медленно-медленно приближается к ящику. Одним горлом мычит что-то. Наверное, немой. Подошел.

Смотрит на хлеб. Винтовку положил на землю.

Д у г и н (*Входит, довольно громко*). Эй, ты что тут потерял?

Но подросток даже не шевельнулся. Взял хлеб и медленно поднимает его над собой.

Рассматривает. Мычит.

(*Громче*.) Я тебя спрашиваю... Что за черт! Глухонемой держит краюху и мычит. Ты что, оглох? А ну-ка, повернись!

И он повернулся. Но не от приказа капитана, а сам по себе. Увидел Дугина! Сразу же бросил хлеб, схватил винтовку, отскочил к стене. Мычит.

Ого! Тихо, тихо... Не ерепенься... Все гут... Все алес гут... Криг капут... Гитлеру вашему трындец... Никто тебя не тронет... Брось винтовочку... Ду ист кляйн... Нихт фашист, нихт зольдат... Брось винтовочку, брось... Ты слышишь?

Но Дугин или не понял, или забыл, что он не может слышать. И сделал шаг.

Всего только шаг. Из ствола полыхнуло. Схватившись за живот, Дугин согнулся.

Глухонемой бросился в свою дыру.

(*Стонет*.) Вот паскуда! Ах, чтоб ты сдох... так глупо...

Из подвала выскочил Дервоед.

Д е р в о е д . Старшина!!!

Д у г и н . Спокойно, спокойно, партизан... Все алес... гут...

Буштец (*Спрыгнул откуда-то сверху*). Что? Что такое?!

Дугин. Он здесь... Ах, союзнички, мать вашу... (Показывает на дыру.)
Тут... Щенок проклятый...

Буштец. Так партизан, смотри здесь!

Я сверху! Там такая же нора есть... Сейчас мы его, суку, причешем! (*Побежал.*)

Дугин. Не суйтесь зазря... Его легко взять... Глухой, ни хрена не слышит.

Буштец. Сейчас и онемееет, сука! (*Полез наверх.*)

Дервоед. Как же ты это, Володя?

Дугин. Дурак... Пистолет не достал... Что что, дед, ты у меня хотел спросить? Спрашивай... пока не поздно...

Дервоед. Так... ничего... Покажи, куда тебя...

Дугин. Потом, потом... Иди, Сереге помоги... Только не подлезьте с дуру, как я...

Дервоед. Терпи, терпи, старшина... .

Дугин. Что же мне еще делать?

Дервоед. А мы сейчас! (*Передернул затвор и скрылся в дыре.*)

Дугин (*Кое-как распрямился*). Вера-а... Услышь меня... Ты же недалеко...
Прошу... Услышь... Я хочу тебе присниться... Или так... Услышь...

В проломе возникает Женщина с ребенком.

Я не виноват перед тобой... Прости, что прятался за эту проклятую «похоронку»...
Под Курском был ранен, Вера... Так, пустяковина... Но... теперь можно... Теперь уж
можно... Ни мужем, ни отцом я бы уже не смог быть... Никогда... Ни для кого...
Выхода не было, Вера... Это не тот груз, который может взять на плечи женщина...
И я вспомнил про лес, Вера... Про лес сорок первого... И сошел в него... Придет
время, и ты поймешь, что это все, что мне оставалось... Ты слышишь меня?!

Женщина в проломе качает ребенка.

Роди их... Как можно больше роди детей... Только никогда, никогда не корми их
грудью, если у тебя будет злоба в сердце... Пускай лучше будут голодными, пусть
плачут — не корми!.. Пока не примиришься с людьми и со всем светом... Пока в
душе покой не появится... Покой, тишина и любовь... Пока звезды не зазвонят...

*Повернулся и пошел к Женщине с ребенком. У пролома остановился, поднял
руки, как будто хотел обнять и Женщину, и ребенка, и весь мир, и все его муки.*

Дугин. Я люблю тебя, Вера!!! Я люблю тебя!!! (*Падает в пролом.*)

*Женщина с ребенком исчезают. Через несколько секунд из тайного хода
выкатывается Глухонемой. За ним, держа в одной руке автомат, а другой — свой
солдатский ремень, идет Дервоед. Идет и со всего размаха бьет ремнем по чем
попало.*

Дервоед (Вот тебе «хайль»! Вот тебе «гитлер»! Вот тебе «млеко»! Вот тебе
«матка»! Я тебя научу! Родину! Любить! Я тебя...

Из дырки дрожа выскакивает Буштец. Белый, страшный. Подбежал,

оттолкнул Дервоеда.

Буштец (хрипит). Не та-а-ак!!!

Дервоед. Сергей!

Но Буштец уже вскинул автомат. Осечка! Передернул затвор. Осечка! Еще. Осечка!

Брось! Ну его, гаденыша! Сам сдохнет...

Буштец. Дай автомат!!!

Дервоед. Не трогай! Он же калека! Мычит только... Брось, Сергей! Калека ведь... Буштец (бросается на него). Дай, сволочь, автомат! Я вас всех! Жалостников! В расход!

Схватился за ствол автомата, тащит к себе. Дервоед борется с ним.

Дервоед. Серега, успокойся!!! Опомнись!

Буштец. Все равно кончу! Вместе с тобой, падла! За Мишку Гальчанского! За Люську! За батьку! За всех!!!

Дервоед. Пусти!

Вдвоем начали падать, держась за автомат. Упали! Автомат ударился прикладом о каменный пол и от сотрясения выстрелил. Выстрел разбросал бойцов в разные стороны. Рука у Дервоеда повисла плетью. Пуля задела и его. Буштец встал и удивленно посмотрел на глухонемого, забившегося в угол. Лицо его стало светлым, теплым, словно в ту же секунду он понял что-то важное и великое. Потом начал оседать на землю.

Дервоед (стонет, держась за руку). Делай что хочешь, Сергей... Это не я... Приклад ударил... На взводе был... Бери, стреляй... Только меня вначале... Потом его...

Буштец (вдруг улыбнулся). Дурень ты, партизан... Дурень... Подержи меня... Кружится... Звезды кружатся...

Дервоед (прижимая здоровой рукой его к себе). У-уй, гады! У-уй, гады!

Буштец. Боялся я тебя, дед... Чего тебя боялся? Теперь смотри... Теперь можно... Эх, де-ед...

Дервоед. Ты не говори, Сережа, не говори...

Буштец (в бреду). Пить... Был маленький светлый родничок... И Людка отражалась нем... в коротеньком ситцевом платье... Возле моих губ отражалась... И я пью ее волосы, ее губы, ее платье... Пью — и напиться не могу... Эх, де-ед...

(Умирает.)

Дервоед (Прижимая его к себе). Оно ни чего... Ты усни... Тебя примут звезды... И душа твоя озябшая отогреется возле их света.. И многие вспомнят тебя добрым словом... Ты спи... А я пойду... Я доложу... Оно надо...

Осторожно положил Буштеца на пол, ста, подниматься. И в этот момент в пролом вспыхнуло разноцветное зарево. Загрохотал автоматы, винтовки, пистолеты. Дервоед кое как добрался до стены, держась рукой з израненное войной сердце. А к звездам летели трассирующие пули. Нарастала кананада. И из этой

канонады вырос радостны крик-стон: «По-бе-е-е-д-а-а-а! ».

Д е р в о е д. Прости... Прости меня, Марья.

И возникла Женщина с ребенком и стал приближаться к своему мужу и солдат, чтобы утешить его. Гремел салют. Гремел победоносное «ура!» над всей землей.

Занавес